

«Незаконное присвоение» в уголовных законах китайской династии Тан

Место незаконных присвоений среди остальных имущественных преступлений

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений — *лю цзан* 六贓 (шесть присвоений). В тексте уголовного Кодекса династии Тан (618–907 гг.) «Тан люй шу и» содержание термина «присвоение» раскрывается так:

Преступлений, прямо определяемых как присвоения, всего числом шесть. Имеются в виду получение взяток с нарушением закона и без нарушения закона, получение [имущества] в сфере полномочий, грабеж, кража, а также незаконное присвоение (Тан люй. Ст. 389. Уголовные, 2008. С. 10).

Шестым и последним в перечне названо незаконное присвоение (*цзо цзан* 坐贓). Нередко его называют в тексте памятника более развернутым образом: незаконное присвоение, подлежащее наказанию (*цзо цзан чжи цзуй* 坐贓致罪). В самом Кодексе это деяние определяется так:

Под незаконным присвоением имеется в виду, что тот, кто не являлся полномочным или непосредственно ответственным чиновником (*фэй цзяньлинь чжусы* 非監臨主司), получил имущество по [какому-либо] делу (*инь ши* 因事), и [необходимость] наказания проистекает из этого присвоения (Там же)¹.

Таким образом, первым условием того, чтобы неправомерное получение имущества государственным служащим могло быть отнесено к незаконному присвоению было то, что сам этот чиновник не являлся ни начальником какого-либо учреждения или административной единицы, не заведовал каким-либо конкретным объектом (зернохранилищем, например) и не вел следствия по уголовному делу либо разбора некоей тяжбы. Согласно танской правовой теории, в подобных ситуациях у него не было и не могло быть ни подведомственных или прямо подчиненных ему по службе лиц, не непосредственно вверен-

---

¹ Словосочетание *инь ши* можно понять и более широко — вследствие ведения, выполнения, осуществления какого-либо дела, связанного в первую очередь со служебными обязанностями чиновника.

ного его попечению имущества. Значит, у него отсутствовали те рычаги воздействия, которыми мог воспользоваться при отъеме имущества начальник или следователь. Вытекающим из этого первого вторым условием было то, что данный чиновник не имел возможности принять какое-либо незаконное решение в пользу того, от кого он свое присвоение получил. Значит, социальная опасность такого получения была несравненно ниже, чем когда дача взятки могла исказить правомерный ход административных дел.

Поэтому данный вид присвоения наказывался наиболее легко из всех шести.

При стоимости в 1 *чи* [виновный] наказывается 20 ударами легкими палками. За [каждую последующую] 1 *ни* наказание увеличивается на 1 степень. За 10 *ни* — 1 год каторги. За [каждые последующие] 10 *ни* наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 3 годами каторги. ...Давший получает наказание, уменьшенное на 5 степеней (Ган люй. Ст. 389. Уголовные, 2008. С. 10)².

Значит, можно рассчитать шкалу соответствий стоимости присвоения и соответствующей ей тяжести наказания:

- ◆ 1 *чи* — 20 ударов легкими палками;
- ◆ 1 *ни* 1 *чи* — 30 ударов легкими палками;
- ◆ 2 *ни* 1 *чи* — 40 ударов легкими палками;
- ◆ 3 *ни* 1 *чи* — 50 ударов легкими палками;
- ◆ 4 *ни* 1 *чи* — 60 ударов тяжелыми палками;
- ◆ 5 *ни* 1 *чи* — 70 ударов тяжелыми палками;
- ◆ 6 *ни* — 80 ударов тяжелыми палками;
- ◆ 7 *ни* 1 *чи* — 90 ударов тяжелыми палками;

---

² Шкала регулярных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. полукилометра); две разновидности наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям. Мерилом стоимости в танском Кодексе избран шелк определенного сорта, который, в свою очередь, измерялся либо в штуках (*ни* 疋), либо, если присвоение было небольшим, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней*, один отрез — часть штуки длиной в 1 *чи* при стандартной ширине в 1 *чи* 8 *цуней*. Относительно покупательной способности этих денег можно упомянуть, что в Кодексе несколько раз подчеркивается: 1 трудодень отбывающего трудовую повинность или нанятого на работу человека стоил 3 *чи* шелка.

- ◆ 8 *ни* 1 *чи* — 100 ударов тяжелыми палками;
- ◆ 10 *ни* — 1 год каторги;
- ◆ 20 *ни* — 1, 5 года каторги;
- ◆ 30 *ни* — 2 года каторги;
- ◆ 40 *ни* — 2,5 года каторги;
- ◆ 50 *ни* — 3 года каторги.

И далее наказание уже не увеличивалось вне зависимости от дальнейшего возрастания величины присвоения.

Незаконное присвоение — очень интересный вид имущественного преступления. В самом общем виде термин *цзо цзан* применялся в Кодексе для рубрификации всех видов неправильного перемещения материальных ценностей, которые не могли быть подведены под статьи о более конкретных присвоениях. Виновник неправильного движения имущества, даже если он сам имущества лишился, получал наказание именно по формуле незаконного присвоения.

По сути, всякое неправильное движение материальных ценностей, в чем бы ни заключалась неправильность, приравнивалось, если оно не было еще более криминальным (как, например, взятка или кража), к незаконному присвоению. Виновный, даже если он не извлек никакой реальной выгоды, получал наказание по достаточной шадящей сравнительно с остальными пятью, но все же приравнивающей его к вору шкале, разработанной для шестого из присвоений. И неважно, что он ничего не брал. Достаточно было того, что он своим поведением, своим злым умыслом или даже своей ошибкой прервал размеренное, выверенное, закономерное движение материальных объектов из одной зоны контроля к другой.

Чистое перемещение

Как нельзя лучше помогает понять этот подход уголовная статья о провозе через заставы «запретных вещей» (*цзинь у* 禁物), «вещей, запрещенных к частному владению» (*цзинь сы у* 禁私物).

Танскими законами был сформулирован довольно обширный перечень предметов, которые нельзя было иметь в частном хранении и владении. В первую очередь, конечно, в него включалось тяжелое боевое оружие, а также символы и сигналы боевой активности (флаги, бунчуки), то есть орудия, связанные с монополией государства на организацию и применение насилия. Но входили в него и вещи совершенно иного рода — те, что были связаны с монополией государства на попытки узнать будущее и понять веления, требования Небес и судьбы. Вне зависимости от наличия или отсутствия реальных попы-

ток использования такого рода предметов по назначению уже сам факт хранения их, сам факт пребывания их в частном владении был наказуем, и наказания могли достигать достаточно высоких величин. Сами же предметы подлежали безусловной конфискации в казну.

Танские законодатели были реалистами и понимали, что запрет должен быть подкреплён системой мер его реализации. Одной из мер, при помощи которых запрет мог быть приближён к реальности, было установление наказания за провоз запретных вещей через внутренние заставы (*гуань* 關)³.

Поразительно, но наказание за провоз запретных вещей с места на место, из одной части страны в другую, то есть перемещение в самом изначальном, механическом смысле этого слова (перемена места) следовало определять с применением шкалы незаконных присвоений.

Всякому, кто частным порядком [пронес] с собой при проходе через заставу запретную вещь (*цзинь у* 禁物), наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) (Ган люй. Ст. 87. Уголовные, 1999. С. 348).

Это значит, что наказание за провоз через заставу запретной вещи надлежало наказывать согласно стоимости этой вещи по шкале, разработанной для незаконных присвоений. Правда, так надлежало поступать лишь в том случае, если наказание за обладание данной вещью не превышало наказания, соответствующего ее стоимости⁴.

То есть не было ни насилия, ни обмана, ни шантажа, ни жульничества, ни использования в корыстных целях подведомственных людей, рабов, животных или производственных мощностей. Не присваивался чужой труд. Не присваивались ценности и материальные блага. Имущество вообще не меняло владельца. А владелец этот вовсе не обязательно был чиновником, о социальной принадлежности преступников не сказано в статье ни слова.

Но разработанная для государственных служащих схема наказания имущественных преступлений («получил имущество по [какому-либо] делу») оказалась распространённой на тех частных лиц, кто вполне обыденным образом перевозил с собой во время путешествия свои вещи. Вся их служба, в результате которой было осуществлено

---

³ О внутренних заставах и штате их служащих см.: (Рыбаков, 2009. С. 473).

⁴ Например, за частное владение пикой закон предусматривал наказание 1,5 годами каторги. Если же она стоила, скажем, 30 *пи* шелка, наказание по шкале незаконных присвоений оказывалось равно 2 годам каторги. Коль скоро оно было тяжелее 1,5 лет, надлежало применить именно его.

незаконное присвоение (*инь ши*), заключалась, похоже, в том, что они оказались в ситуации, которая однозначно требовала от них исполнения какого-то определенного закона. А все их присвоение, незаконно совершенное в связи со службой — в том, что у них в момент перехода из одной зоны ответственности к другой имелись предметы, которых у них не должно было быть.

Идея неправомерного перемещения имущества как основы концепции незаконного присвоения здесь предстает в наиболее чистом и концентрированном виде. Перемещение здесь понимается в буквальном, механическом виде — с одной стороны заставы на другую. Никакого иного перемещения не происходит — ни от владельца к вору, ни от казны к частному лицу или наоборот. Никакая корысть не была извлечена. Никем. Никто не стал богаче и никто не стал беднее. Никто ничего не лишился и никто ничего не получил. Неправомерность перемещения обусловлена лишь тем, что данное имущество данному лицу просто не соответствует, его не должно у него быть. Ни по ту, ни по другую сторону заставы. То, что он ее передвинул, оказывалось имущественным преступлением и подлежало наказанию согласно стоимости вещи, как если бы тут все же каким-то завуалированным образом, в снятом виде, произошло хищение.

Это выглядит гротескной умозрительной абстракцией — но она объясняет наилучшим образом одну из основных особенностей незаконного присвоения: если виновник неправильного движения имущества и его получатель не совпадали, наказанию по шкале незаконного присвоения подлежал, как правило, тот, чьи действия вызвали неправильное перемещение, но отнюдь не тот, к кому присвоение переместилось.

Управленческие погрешности

1

Частным случаем чистого перемещения, лишний раз подтверждающим нашу трактовку незаконного присвоения, является двусторонняя коллизия, вернее, две взаимодополняющие, буквально зеркальные коллизии, которые в Кодексе характеризуются как «полагалось отдать, а не отдали, или же не полагалось отдать, а отдали». Здесь речь идет уже не столь чистом пространственном перемещении, как в предыдущей статье; возможно, напротив, что пространственного перемещения как раз не случилось в то время, когда оно должно было случиться. Зато явно случилось неправомерное перемещение от законного владельца к незаконному обладателю. Если законный владе-

лец должен был смениться, а на самом деле смены не произошло, прежний законный владелец немедленно становился незаконным обладателем.

Неважно, сопровождалась ли эта перемена чисто пространственным смещением, либо нет; это никого не интересовало. Смещение происходило в пространстве юридических норм, законов, правил службы. В этом пространстве неподвижным было то, что движется строго закономерным, правильным, установленным образом. Это была система координат. Именно относительно данной системы велся отсчет; то, что оказывалось в ней подвижным, пусть оно и оставалось неподвижным относительно амбара, замка в двери или межи в поле — вываливалось из неподвижного законопослушного мира за его края, в неупорядоченный антисоциальный хаос. Причем казенное здесь не пользовалось никаким приоритетом относительно частного; незаконное попадание в казну было ничуть не менее и ничуть не более криминальным, чем незаконное выпадение из казны.

Всякий раз, когда выносился приговор по принадлежности спорного общественного или частного имущества, если его полагалось отдать в казну (*жу гуань* 入官), а отдали в частные руки (*жу сы* 入私), или полагалось отдать в частные руки, а отдали в казну, или полагалось отдать А, а отдали Б, или полагалось отдать в частные руки, а отдали [в ведение] общественного здания (*жу гуансе* 入公廨), соответственно каждому данному случаю рассчитывается стоимость того, что не полагалось отдавать, но было отдано, и наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) (Ган люй. Ст. 215. Уголовные, 2001. С. 232 — 233).

Понятно, что виновниками такого беззакония могли быть прежде всего и главным образом государственные служащие. Никакая корысть не двигала ими, ничто не присваивалось ими в процессе осуществления ими своих обязанностей. Однако в процессе осуществления ими этих самых обязанностей кто-то получил то, что ему не полагалось получить, а кто-то не получил того, что ему получить полагалось. В упорядоченной круговерти подчиненных государственным законам материальных объектов произошел сбой. И наказание виновному в этом сбое государственному служащему определялось согласно стоимости выбившегося из строя предмета. Так, будто данный чиновник в процессе осуществления своих служебных обязанностей положил выпавший из закономерного движения предмет к себе в карман.

Еще более специфическая коллизия могла возникнуть уже внутри вышеприведенной или, говоря строже, ей подобной. Танскими законами были предусмотрены разнообразные ситуации, при которых из казны могли выдаваться на время какие-то предметы — например, ритуальные принадлежности на случай осуществления жертвоприношений, транспортные средства на случай женитьбы чиновника, раздача орудий труда мобилизованным на общественные работы и пр. Передача могла быть вполне правомерной, передали кому надо, и тогда, когда надо — да вот беда: глаз подвел, рука подвела.

...Когда при выдаче или получении казенных вещей есть нарушения в предоставлении или приеме, рассчитывается стоимость недостатка или излишка, и [согласно ей] наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь 坐贓論*). Нарушения — имеется в виду, что приняли полностью, а выдали неполностью, или же надлежало выдать старое, а выдали новое, либо полагалось принять высококачественные вещи, а приняли низкокачественные вещи, и [ситуации] такого рода. ...Выдавать и [получать] вносимое следует вровень. Если приняли полностью, а выдали неполностью, значит, появился излишек. А если надлежало выдать старое, а выдали новое, либо полагалось принять высококачественные вещи, а приняли низкокачественные вещи, в таких [ситуациях] возникает недостаток. Следует рассчитать стоимость недостатка либо излишка. Закон предусматривает [согласно ей] наказание за незаконное присвоение. ...В тех же случаях, когда приняли полностью, а выдали полностью, или когда полагалось выдать новое, а выдали старое, либо полагалось принять высококачественные вещи, а приняли вещи среднего качества, наказывают так же... (Ганлюй. Ст. 222. Уголовные, 2001. С. 237 — 328).

Тут речь идет уже не просто о неверном перемещении — но о верном перемещении не в том объеме или, что еще интереснее, не того качества. Закон заботился даже о таких тонкостях, что в определенных ситуациях надо было «выдавать новое», а в определенных — «выдавать старое». Насколько такого рода скрупулезные предписания могли быть выполнены реально — вопрос отдельный, но, во всяком случае, даже разница в качестве вещей, которые в случаях, означенных правилами службы, надлежало раздавать населению или отдельным персонам, а потом — забирать у них обратно, даже такая разница

должна была быть учтена, замечена, выражена в единицах стоимости. И тогда чиновник, виновный в неправильности при выдаче или приемке, согласно этой стоимости квалифицировался, как присвоивший ее себе в процессе исполнения своих служебных дел. Причем, хотя в определении незаконного присвоения специально указаны исключительно неполномочные чиновники, в данной ситуации под нормы незаконного присвоения попадали и полномочные.

И уж разумеется, те же правила действовали, когда и впрямь адресат всего перемещения материальных ценностей был некорректен — как, например, в рассмотренном выше случае неверной передачи спорного имущества. Если вещь была выдана тогда, когда ее не следовало выдавать, или не выдана, когда ее выдать следовало — понятно, что виновный чиновник присвоил... Нет, вещь-то он как раз не присвоил. Но вещь — пустяк по сравнению с куда более важными, принципиально более важными материями. Чиновник присвоил себе право перемещения — никоим образом ему не принадлежащее, принадлежащее только закону и распорядку бытия.

3

Несколько более сложный случай чистого перемещения сформулирован законом о так называемом растранижении, разбазаривании, расточении государственных средств. И владелец перемещаемого имущества в процессе перемещения тут не менялся, и направление перемещения было надлежащим, и цели его — правильными, обозначенными закономерно и своевременно оформленными заявками и приказами. Неувязка была лишь одной — количественной.

Всякий раз, когда были расточены (*фансань* 方散) казенные вещи, наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論). Имеется в виду выдача с излишком казенных вещей для использования, либо для сделок на рынке, или же для поднесения [в ситуациях] такого рода, как жертвоприношения и пиры. ...Допустим, имело место строительство дома, или поднесение для жертвоприношения или пира, но [материалы были] выделены с излишком. Соответственно каждому данному случаю рассчитывается стоимость излишка и [согласно ей] наказание определяется за незаконное присвоение (Тан люй. Ст. 216. Уголовные, 2001. С. 233).

Учет и контроль — это альфа и омега государственного хозяйства. Дотошная разнарядка материалов, потребных для строительства,

жертвоприношения, пира и прочих важнейших дел, была необходима постоянно — слишком много такого рода операций висело на шее государства, и хватать ресурсов должно было на все. Танским плановикам, судя по этой цитате, надлежало неукоснительно руководствоваться формулой, согласно которой экономика должна была быть экономной.

В процессе неправильного осуществления кем-то из них своих прямых обязанностей некая толика материальных ресурсов, отнюдь не будучи ни расхищенной, ни переданной не по адресу, ни преднамеренно уничтоженной либо испорченной, просто перемещалась в небытие. Если для данного строительства было потребно, скажем, пятьдесят бревен, а использовано было пятьдесят два — значит, два бревна все равно что сгорели. Виновный чиновник в процессе осуществления им своих непосредственных обязанностей нанес государству ущерб в размере стоимости этих двух бревен — и получал наказание, как если бы присвоил эти бревна себе в процессе ведения им своих служебных дел.

3

Вообще говоря, все огрехи, допущенные государственными служащими при проведении каких-то производственных, хозяйственных, административных акций, если приводили к сбоям в области финансирования или снабжения, в равной степени влекли за собою наказание именно как за незаконное присвоение, которое как бы совершил тот, из-за кого возник перерасход, недоучет и пр. Определение «тот, кто не являлся полномочным или непосредственно ответственным чиновником, получил имущество по какому-либо делу» оказалось универсально применимым для всякого казенного дела, в ходе которого в силу ошибки распределения финансов или ресурсов кто-то получил то, чего не должен был получить, или не получил того, что должен был получить.

Трудно поверить, насколько масштабной и постоянной была полторы тысячи лет назад производственная активность тогдашней танской администрации. Это был труд, труд и еще раз труд — в том числе труд не только управленцев, но и, понятно, тех, кем они управляли. Рекрутирование на общественные работы не было ни рабством, ни барщиной, ни даже сумеречно-ритуальной деятельностью наподобие строительства египетских пирамид; Поднебесной позарез нужны были дамбы, каналы, заставы, заборы, парки и сады, мастерские, транспортные средства... Организовать эту кропотливую, но каждодневную

и жизненно необходимую активность было нелегким и весьма кропотливым делом.

Для починки внешних и внутренних городских стен или постройки дамб и защитных сооружений мобилизуется человеческий труд (*жэнь гун* 人功). Когда необходимо [что-либо] построить, согласно общеобязательным установлениям о строительстве и ремонте, рассчитывают [необходимое] количество человеческого труда (*цзи жэнь гун дошао* 計人功多少) и сообщают в Правительствующий надзор (*шаншушэнь* 尙書省). Дождавшись ответа с решением, начинают в соответствии с ним собирать отработывающих трудовую повинность для осуществления работ. ...Всякий раз, когда, если необходима была мобилизация для строительных работ и полагалось сообщить наверх, не сообщили наверх, либо полагалось дожидаться ответа с решением, не дождались ответа с решением, соответственно каждому данному случаю рассчитывается стоимость труда (*юнь* 庸) и [согласно ей] наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) с уменьшением на 1 степень. ...Наказание определяется из половины стоимости труда (*юнь бэй лунь* 庸倍論). [Увеличение] наказания ограничивается 2,5 годами каторги (Ган люй. Ст. 240. Уголовные, Иероглифом ^{2001. С. 273—274} *юнь* (庸) обозначалась и стоимость использования труда, и откупной налог — налог тканью, который тяглым простолюдинам разрешалось при определенных условиях вносить в качестве откупа от регулярной трудовой повинности (совершеннолетние тяглые мужчины нормально обязаны были государству двадцатью днями работы в год). *Юнь* составлял в день 3 *чи* шелка, или 3 *чи* 7 *цуней* 5 *фэней* конопляного холста (Ниидэ Нобору. Токио, 1964. С. 668).

Таким образом, труд мобилизованных на общественные работы тяглых, даже при условии, что он был реально необходим, осуществлялся в общественных интересах и был организован официальными органами власти на местах, мог быть квалифицирован как некоторым образом присвоенный себе тем местным чиновником, который инициировал проведение работ. Это происходило при единственном условии — при отсутствии рапорта с запросом наверх и получения сверху ответа с разрешением (вероятно, в ответе утверждалась и смета работ). Наказание тому, кто сконцентрировал рабочую силу и осуществил то или иное строительство и ремонт без санкции или хотя бы уведомления вышестоящих инстанций должен был быть наказан по шкале незаконных присвоений (пусть и с уменьшением на

1 степень), исходя из стоимости труда, который затратили на это строительство или этот ремонт трудообязанные.

Правда, для определения тяжести наказания в шкалу следовало подставлять только половину суммарной стоимости коллективного труда — но потому лишь, что закон об имущественных преступлениях предусматривал: при многократных хищениях или хищениях, совершенных у многих, суммарная стоимость похищенного должна была быть уменьшена вполтину (Тан люй. Ст. 282. Уголовные, 2005. С. 94), а уж потом из этой половины рассчитывать наказание. Ясно, что в подобных ситуациях администрация присваивала труд «многих» и «многократно» — одному или двум-трем работникам, да еще, скажем, в течение одного лишь рабочего дня нечего было делать на строительстве казенных объектов. Стоимость одного и того же труда, затраченного для общей пользы и местных нужд, ничем не обогатившего чиновника, который инициировал работы, могла рассматриваться и как осуществленное в процессе добросовестного исполнения данным чиновником своей службы финансирование нужного дела, и как совершенное им присвоение — всего лишь в зависимости от того, было ли данное мероприятие согласовано с высшими инстанциями или нет.

5

Мобилизован мог быть труд тяглых и иначе — хотя и в интересах государства, но противозаконным образом. Тут уж криминал был не в том, что план работ не сообщили наверх по всей форме или не дождалась его утверждения — но в том, что данные работы вовсе не надо было проводить.

Это положение разъясняется в Кодексе не вполне отчетливо — надо думать, тут речь шла о понятных всем танским управленцам вещах, и им хватало лишь намека на то, что имеется в виду; нам намека не хватает.

Противозаконно была осуществлена мобилизация для строительных работ — имеется в виду, что привлекли к работам по общественным делам, которые не разрешены законами и общеобязательными установлениями. ...В законах и общеобязательных установлениях [соответствующих] текстов нет. Если даже они и есть, но мобилизация для строительных работ была осуществлена не вовремя... Например, был построен искусственный водоем, беседка [на нем] или постоянный двор (Тан люй. Ст. 241. Уголовные, 2001. С. 276).

Речь здесь идет в первую очередь об использовании тяглых не в срок, с отрывом от сельскохозяйственных работ в страду. А возможно, и о растрате их труда на, грубо говоря, ерунду — то ли увеселительную эстетику, с которой можно было бы и подождать, то ли и вовсе на заведение, необходимости в котором нет, но которое способно зато приносить местной администрации неучтенную прибыль.

Локальность, незначительность произведенных работ косвенно играла тут роль смягчающего фактора. В Кодексе применительно к этим работам даже применен термин *цуюйши* 驅使 — «обслуживание», «суета на побегушках», а не уважительное *гун* 功 — «труд». Если затеянная местной администрацией суматоха оказывалось совсем уж мало обременительна, то спросу за нее, похоже, не было. Только если незаконно предпринятые работы переваливали за определенный стоимостной предел, в ход шла все та же шкала незаконных присвоений.

При использовании для [подобного] обслуживания [человеческого труда] на 10 [дневных] стоимостей найма (*юн* 庸) и более наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論). Поскольку это делается в соответствии со стоимостью найма многих людей, также необходимо суммировать и рассчитывать из половины (Ган люй. Ст. 241. Уголовные, 2001. С. 276).

Судя по одинаковости методики определения наказаний, приходится констатировать, что законные работы, весь криминал которых состоял в том, что о них не было вовремя доложено наверх по форме (а то и было доложено, но просто ответа с утверждением местные чиновники не дождались), ставились танским правом на одну доску с работами, которые вовсе не надо было проводить и которые были предприняты местной администрацией просто потому, что ей так захотелось. Более того, если эти вторые оказались настолько незначительны, что не составили десяти, говоря по-нашему, человеко-дней, они вообще выпадали за рамки внимания уголовного права — тогда как относительно первых о такой поблажке ничего не сказано. Правда, скорее всего подобное умолчание объясняется лишь тем, что любые сколько-нибудь существенные работы наверняка, заведомо требовали существенно больше десяти человеко-дней.

Разбазаренный на прихоти местного начальства труд тяглых, с одной стороны, и, с другой, их общественно необходимый труд, который всего-то не был надлежащим образом санкционирован и утвержден сверху, получается, равным образом считался присвоенным за-

теявшим стройку или ремонт местным администратором. В обоих случаях он нес ответственность, как если бы «не являясь полномочным или непосредственно ответственным чиновником, получил имущество по какому-либо делу». Хотя на самом-то деле лично он ни в том, ни в другом случае ничего не получил.

6

Трудообязанные мастера занимались в ту пору и менее масштабными работами, нежели созидание озер, повороты рек, ремонт дамб и пр. Из их рук выходили бесчисленные вещи для непосредственного использования — в первую очередь для использования казенного, в учреждениях, на работах, да и в войсках. Слово «работа» специально разъясняется:

Работа (*гунцзо* 工作) — имеется в виду производство (*цзаоцзо* 造作) в казенных учреждениях (*цзай гуаньсы* 在官司) (Тан люй. Ст. 242. Уголовные, 2001. С. 277).

Но люди есть люди, и даже работа в казенных учреждениях и для казенных надобностей, увы, не могла быть полностью гарантирована от халтуры.

Всякий раз, когда работа была сделана не по правилам (*бу жу фа* 不如法), наказание — 40 ударов легкими палками. Если [сделанное] непригодно для использования (*бу жэнь юн* 不任用) или же его пришлось доделывать заново (*ин гэн цзо* 應更作), производится совокупный подсчет (*бинцзи* 併計) рассматриваемой как присвоение стоимости непригодного (*со бу жэнь цзан* 所不任贓) и стоимости труда (*юн* 庸), и наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) с уменьшением на 1 степень (Тан люй. Ст. 242. Уголовные, 2001. С. 277).

То есть дотошные танские юристы предусматривали в данном случае наказание по совокупной стоимости израсходованного на непригодное изделие сырья и стоимости труда, пошедшего на изготовление этого непригодного изделия. Правда, потом эта сумма, как обычно полагалось делать при суммировании, должна была быть ополовинена. С учетом же того, что наказание надлежало определять по шкале незаконных присвоений с уменьшением на 1 степень, увеличение наказания ограничивалось 2,5 годами каторги при стоимости в 50 *пи* и более.

Снова мы видим «присвоение», которое на самом деле никто не присвоил.

Перемещение стоимости присвоения производилось в пустоту, стоимость просто исчезала, похищалась нерадивым мастером из мира, и в соответствии с величиной этого превращения чего-то в ничто, перемещения отсюда в никуда надлежало определять наказание.

Если сделанным, хотя оно и было изготовлено не по правилам, все-таки можно было пользоваться, наказание определялось не по стоимости, а по факту некондиции:

Если [изготовители] самоуправно отклонились от предусмотренных внутриведомственными установлениями (*шш 式*) образцов — значит, [сделали] не по правилам. Наказание — 40 ударов легкими палками (Ган люй. Ст. 242. Уголовные, 2001. С. 277).

Если же изготовленная вещь предназначалась не просто для казенного использования, но для поднесения в личное пользование императору, такая разница оценивалась правом ни больше, ни меньше как в 2 степени суровости.

Если делалось [что-либо] для поднесения в личное пользование [императору], наказание увеличивается на 2 степени. ...Если [подносимое было сделано] не по правилам, наказание — 60 ударов тяжелыми палками. Если оно непригодно к использованию или же его пришлось доделывать заново, наказание определяется за незаконное присвоение с увеличением на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается ссылкой на 2000 *ли* (Ган люй. Ст. 242. Уголовные, 2001. С. 277).

И наконец — самое интересное. В данном случае первоначальным преступником, повинном в «присвоении», никак не мог быть государственный администратор. Чиновник не делал, чиновник руководил. Закон специально отмечает, что исходным преступником был все-таки тот, кто делал. Именно по его вине материалы и труд переместились в небытие. Именно он и должен был отвечать по статье о незаконном присвоении, пусть и с уменьшением на 1 степень в регулярных ситуациях или, наоборот, с увеличением на 1 степень, если получателем продукта был владыка людей.

Из мастеров соответственно каждому данному случаю наказывался тот, из-за кого [данное преступление] произошло. Надзирающим ответственным чиновникам (*цзяньдан гуаньсы 監當官 司*) ...наказание уменьшается на 3 степени. Имеются в виду те, кто лично надзирал за производством. Если [что-либо] было сделано не по правилам, наказание уменьшается на 3 степени относитель-

но полагающегося мастерам, до 10 ударов легкими палками. Если [сделанное] непригодно для использования или же его пришлось доделывать заново, наказание за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) уменьшается на 4 степени. [Увеличение] наказания ограничивается 1 годом каторги. Если делалось [что-либо] для поднесения в личное пользование [императору], [увеличение] наказания ограничивается 2 годами каторги (Ган люй. Ст. 242. Уголовные, 2001. С. 278).

Даже в этих ситуациях чиновнику было не ускользнуть от наказания, определяемого с применением именно шкалы незаконных присвоений. Поскольку он, надзирая за работой мастеров, нес косвенную ответственность за растрату и перерасход, в глазах закона он оставался относительно этих растраты и перерасхода чем-то вроде сообщника. Его недосмотр способствовал тому, что у страны были украдены сырье и труд — а то, что эта кража никого не обогатила, было совершенно не важно. Есть утрата — значит, был какой-то похититель.

7

Сырье и материалы для разнообразных производственных операций следовало откуда-то взять. Они не сами собой оказывались в мастерских, и не сами собой возникали на привозивших их к мастерским транспортах.

...На работах, осуществляемых привлеченными по казенной трудовой повинности, выбирали зелья, собирали материалы или [осуществляли работы] такого рода, но [отобранное или собранное оказалось] непригодно для использования. Если оно [оказалось] полностью непригодно для использования, необходимо рассчитать всю стоимость их [впустую затраченного] труда (*цюань юн* 全庸). Если оно [оказалось] частично непригодно для использования, соответственно стоимости впустую затраченного труда (*цжунь ци цянью юн* 準其欠庸) производится присовокупление и ополовинивание (*бинбэй* 併倍). Наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論) с уменьшением на 1 степень (Ган люй. Ст. 244. Уголовные, 2001. С. 282).

В тексте ничего не сказано о том, кто именно подлежал указанным наказаниям — сами заготовители или те, кто организовывал заготовку. Для танских чиновников это, конечно, было понятно без слов. Думается, что и нам не стоит особенно сомневаться — статья посвящена просчетам управления. Кроме того, раз уж речь зашла о присо-

вокуплении и ополовинивании, то явно имеются в виду не безропотные собиратели по отдельности, а контролировавшие работу коллективов управленцы. Ведь только при вычислении их ответственности было что суммировать (доли некачественного сырья в осуществленных каждым из многих работников заготовках). И делить затем эту сумму пополам нужно было, несомненно, в соответствии с законом об ополовинивании суммарных стоимостей многократных хищений или хищений у многих.

Ровно в той степени, в какой происходивший под контролем государственного служащего труд оказался пустой тратой человеческого времени и человеческих усилий, надзирающий чиновник оказывался расхитителем этого труда и отвечал перед страной согласно его стоимости по шкале незаконных присвоений. Пусть и с уменьшением на 1 степень.

Подытоживая, можно вкратце сказать следующее.

Незаконное присвоение, которое в самом же Кодексе было определено как «присвоение неполномочным чиновником имущества в связи с исполнением своих служебных дел» реально оказалось в танском праве куда более широко применяемым юридическим механизмом.

Во-первых, статья о незаконном присвоении могла применяться и к простолюдинам, коль скоро они оказывались вовлечены в ту или иную жизненную коллизию, где от них требовалось четко соответствующее этой коллизии исполнение требований закона. Можно сказать, что на этот момент любой простолюдин становился кем-то вроде государственного служащего — и, следовательно, сама государственная служба может быть понята как постоянное, непреходящее исполнение служащим государственных законов.

И во-вторых, это присвоение кардинально отличалось от остальных (грабеж, кража, взятка) тем, что на самом деле совсем не обязательно подразумевало реальное обогащение совершившего его человека, прежде всего — чиновника. Даже напротив, судя по конкретным преступлениям, которые по танским законам следовало наказывать с применением норм незаконного присвоения, большинство незаконных присвоений были связаны с тем, что некие стоимости, в том числе — стоимости труда, всего лишь перемещались неправомерным или даже просто несанкционированным свыше образом. Наказание за незаконное присвоение грозило чиновникам, ни сном ни духом не собиравшимся ничего брать себе и действительно ничего себе не полу-

чивших. Эти люди были реально повинны лишь в том, что какие-то предметы или имеющие стоимостное выражение действия утратили при своем перемещении легитимность. Все, что было затрачено впустую, все, что было передано не тому, кому следовало, или оставлено тому, кому не следовало, считалось в каком-то смысле похищенным данным чиновником из упорядоченного законами общества. И согласно букве закона, он нес при этом ответственность такую же, как если бы то, что оказалось незаконно перемещено, взял себе.

Тщательный анализ понятия «незаконного присвоения» помогает лучше ощутить и понять те представления, которые лежали в ту пору в основе понятия «государственной службы». И в особенности — в основе понятия «материальной ответственности» чиновника за вверенные ему объекты, ценности и трудовые процессы.

Список сокращений

Тан люй — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775—780. Шанхай, 1936—1939.

Уголовные, 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1—8. СПб, 1999.

Уголовные..., 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 9—16. СПб, 2001.

Уголовные..., 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17—25. СПб, 2005.

Уголовные..., 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26—30. СПб, 2008.

Список литературы

Ниида Нобору. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.

Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775—780. Шанхай, 1936—1939.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. С-Пб, 2009.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1—8. СПб, 1999.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 9—16. СПб, 2001.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17—25. СПб, 2005.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26—30. СПб, 2008.